

Персидские мотивы

Она давно не выходит на улицу с открытым лицом

ДВЕНАДЦАТОЕ ИЮНЯ. У нас день суверенной России. В Таджикистане аналогичный праздник в сентябре – девятого. Отмечают его торжественно, но не с размахом. Какое там, если огромная часть мужского населения бывшей союзной республики вынуждена пребывать на заработках в бывшей РСФСР.

За те полтора десятка лет, что смуглые симпатичные персидские парни вращаются на наших рынках и стройках, мы привыкли к ихговору, а еще к тому, что на улицах появляются облаченные в национальные одежды таджики. И еще у наших женщин рождаются смуглые детки с красивыми глазками. Став независимыми, мы вдруг приблизились друг к другу. Таким вот образом, праздниками и печальями, объединило нас время.

«Государственная граница» между двумя Таджикистанами – тогдашним «зависимым» и нынешним «независимым» – пролегла аккурат посреди огромной семьи Раджабовых: мужа, отца, братья – кто в Сибири, кто на Урале, некоторые в Москве пристроились. С насиженных мест согнали их нужда и четырехлетняя военная «заварушка». Уже больше полутора десятков лет Малика Раджабова вынуждена прятать за солнцезащитными очками следы тех событий. Она из семьи коммунистов-руководителей, потому в юности вела светский образ жизни. Не в пример большинству женского населения республики девушка образование получила. В одной из русских школ родного Курган-тюбе на протяжении десяти лет учила детей таджикскому языку.

В семье родителей Малики многое было не как у всех. Познакомились в институте, где оба учились на экономическом факультете. Впоследствии папа – руководитель высокого ранга, мама – ведущий специалист. Он – перс (так называют себя таджики), она – турчанка. Тогда это было редкостью. Старшие возражали против такого родства. Разве что крайне редко жених-таджик мог украсть любимую турчаночку. В нашем случае смешение кровей дало замечательные плоды: из восьмерых детей шестеро получили высшее образование, двое – среднее специальное.

Вообще у нас родители выбирают невесту, – повествует об обычаях своего народа Малика. – Потому что мужчины уходят на работу, а женщины остаются дома. Старшая присматривает за внуками, младшая делает все по хозяйству. Если они не будут нравиться друг другу, как они сживутся?

По словам Раджабовой, свекровь деликатно «встраивает» сноху в рамки своей семьи. Мусульманство вообще стоит на том, что все держится в установленных нормах поведения. Таджики своим детям с малых лет внушают, что можно и должно быть под строгим запретом. Нельзя пить, дерзить родителям: правы или не правы – они старшие. Уважение к ним превыше всего, даже Аллаха. Хотя мама Раджабовых иногда позволяет своим дочерям поделиться мыслями – в России все же живут – ей самой в детстве такое делать категорически запрещалось.

Малика вышла замуж в 19 лет. С Аладином они работали в одной школе. Больше чем за год не было и намека на какую-либо симпатию. Девушка – из светского окружения, он – из семьи муллы: там единственная дочь из дома вообще не выходила. Молодой человек буквально отбил свою возлюбленную ото всех потенциальных женихов.

Было так принято: приходят по разрешению моего отца издали посмотреть на меня где-нибудь в школе, – рассказывает Раджабова. – Но никто из них опять не обращается. Однажды мама отругала: сын дальних родственников отца приходил ее посмотреть, а какой-то парень ему нос разбил.

Дома скандал: у дочери хахаль завелся! Прямо до слез довели. Малика и сама ничего не поймет. Но если парень будет продолжать в таком духе, кто же ее замуж возьмет? Пришлось объясняться через его мать. Той девуш-

ка сразу приглянулась, оказывается, о Малике Аладин уже рассказывал дома. А потом он все же решился и позвал ее на первое свидание. До свадьбы, которая состоялась уже через месяц, влюбленные обращались друг к другу исключительно на «вы».

Вообще-то мама меня предупреждала, что, выходя за парня, в доме которого по пять раз в день намаз бывает, я должна буду жить совсем не так, как привыкла. Раньше могла без платка пойти и в юбке с колготками. А там – закутанная, – вспоминает женщина. – Но я его точно полюбила.

Женщина, независимо от национальности, духом всегда сильнее мужчины

Да и какая девушка не влюбилась бы в такого красавца – ростом выше двух метров, глаза синие. А какой характер – сильный, мужественный: повелитель. К слову, таджикская жена вообще не вправе говорить мужу «ты». И еще супруги не называют друг друга по имени ни лично, ни за глаза.

Из уважения. И в разговоре со мной Малика говорит: папа Назиры, папа Надиры. У них в семье культ отца и матери. Здесь дети должны жить в обстановке взаимного уважения. При детях взрослые никогда не станут спорить. Может, порой и хочется матери шумнуть на дочерей, но муж не позволяет. У них принято для решения проблем уединяться в соседней комнате и шепотом «разруливать» ситуацию.

Знаете, к чему долго не могла привыкнуть? Прятаться! – неожиданно признается Малика. – Стоим с другой невесткой во дворе: она посуду моет, я подметаю. И вдруг к калитке подходит мужчина. Сноха быстро бросает

посуду и куда-то кидается. Я – за ней: ты чего прячешься? Она: мужчина не должен нас видеть. Конечно, в моей семье все было иначе: мама на работе и допоздна могла задержаться, а папа плов готовил.

Впервые в наш город Раджабовы приехали в 1996-м. Но дети сразу начали болеть: пришлось вернуться на родину. Вторую попытку супруги предприняли спустя два года. Окончательно закрепились лишь в двухтысячном. Здесь родились и первые их внуки Сандисраил, Мижгона. В свои 24 года их сын Насимджон третий раз стал папой. Но это случилось уже в Таджикистане. И именно там Раджабов-младший зарезал традиционного барана и созвал на угощение всех своих родных, живущих в Курган-тюбе.

Наверное, стоит рассказать, как я вообще познакомилась с Маликой. Увидела ее в необычайно красивом наряде: хиджаб, прикрывающий лицо; изумительное по красоте платье почти в пол; туфли расписные, штаны узорчатые – прямо тысяча и одна ночь!

Это мне из Саудовской Аравии привезли, – чисто по-женски хвастает Малика. – Я сама решаю, какие наряды купить, а муж деньги дает. Еще из Бишкека привозят одежду, можно и здесь пошить у наших мастериц.

По мнению Малики, на свете нет ничего лучше такого облачения: свободно, удобно и формы тела прикрываются – особенно от талии вниз. Это чтобы другие мужчины не могли увидеть то, что позволено лицезреть только супругу.

Я уже очень давно не выхожу на улицу с открытым лицом: сама так захотела. И по-другому не могу: голой себя чувствую. А ведь русские женщины тоже раньше широкие са-

рафаны носили, – замечает Малика. – Так что в этом мы похожи. А вот в остальном...

Вообще-то, по ее словам, женщина, русская она или не русская, духом всегда сильнее мужчины. Но, уверена, таджикские женщины еще и мудрее, потому что ближе к природе – живут с ней в одинаковом ритме и строго соблюдают обычаи. Например, таджичка может пойти в гости, но навещать больных ей запрещено. Переезжать в этот день тоже нельзя. Среда – женский день, а заботы о переезде не женское дело. Это мужчина выбирает или строит жилище, а жена должна молча соглашаться. Есть особый день для раскрытия платья – пятница и еще много чего не очень понятного, но необходимого.

Когда его друзья приходят, они садятся в зал, и я туда не захожу. Мы с женщинами собираемся в маленькой комнате. Я чай завариваю, он его забирает. Маленькая дочка еще может туда чай отнести. А старшей уже нельзя: будет выглядеть, как будто мы показываем ее, что она может стать невестой – Малика усиливает меня в свой национальный этикет.

Но и мужчина, как следует из ее рассказа, не вправе поднимать на женщину руку, он не должен ее ругать, потому что она мать его детей, она женщина, она очаг сохраняет. А раз в год мужа обязательно преподносят своим женам дорожке подарком, как правило, золото. Сверкающие желтым металлом зубы таджичек – это и вовсе притча во языцех. Говорят, так проявляется мужская любовь. Ну, а цветы – для них не подарок вовсе!

Мужчине в таджикской семье позволено многое: он может, если не захочет, не говорить, куда пошел. И я не должна спрашивать. Он мужчина, – без тени обиды говорит Малика. – Он с друзьями разговаривает, я не должна его донимать, потому что он мужчина и над ним могут посмеяться другие: у жены под каблуком что ли?

Кстати, она никогда не звонит своему мужу первой. Но это еще и степень доверия. И никогда не начнет закатывать ему истерики, хотя ее голубоглазый, европейский стати супруг не может не притягивать к себе взоры женщин.

А зачем по этому поводу ругаться? Если мужчина начнет такое делать, что толку от крика? То, что ты будешь за ним бегать, названивать – все ерунда. У нас такие мужчины: он, наоборот, тебя сторониться станет. Нужно терпение, – уверяет Раджабова. – Да, наши мужчины могут здесь иметь женщин, они тут одни. Но мы этого не опасаемся.

А вот если, по словам Малики, у таджика будет подруга-мусульманка, она попытается любым способом отворотить его от семьи. Сидящие дома их необразованные жены разве могут соперничать по уму с теми, кто ведет жизнь в обществе? Жена даже в постели не позволит себе лишнего движения, чтобы муж не подумал о ней нехорошо. И при людях нельзя показывать свои чувства. Когда Раджабовы приезжают гостить в дом ее родителей, Аладин даже в шутку приобнять жену не решится из уважения к старшим.

В России женщины себе цены не знают. Ходят под ручку, целуются при всех – это для нас вообще не понятно, такое неуважение к своей женственности. Девушка один раз выходит замуж. И муж должен остаться единственным, – Малика Хабибовна строга, но справедлива.

А мне хочется с ней поспорить: а как же две – три жены? И, к своему удивлению, узнаю, что вторую супругу мужчина может завести лишь с согласия первой. И не просто устного «валяй!», но письменного заявления, заверенного нотариально. Вот вам и демократия по-семейному. И в случае отказа спорить он не вправе, точно так же, как и она с ним, но уже в других домашних вопросах. Потому что мужчина во всем выше.

Вот говорят, что у нас, мусульманок, права ущемлены. А мне это нравится, – заявляет Малика Раджабова. – Я уверена в муже и имею свое прочное место в жизни.

Конечно, Малика мечтает вернуться на родину. Надеется на улучшение там обстановки: как раз через Курган-тюбе прокладывают «шелковый путь» – там будет большой торговый центр.

Да и красиво там, как в вашем Абзакове. Только там еще и родина! – что-то блаженное появляется на смуглом лице Малики, словно по нему пробегают луч таджикского яркого солнца.

Так будьте же счастливы, прекрасная персиянка!

ТАТЬЯНА АРСЕЕВА
ФОТО > ДМИТРИЙ РУХМАЛЕВ

В таджикских семьях родители никогда не станут спорить при детях